

Часть 1

Становление и развитие российского феодального государства

(до середины XIX века)

Глава 1

Киевская Русь

Докиевская Русь. Первые письменные известия о народах, населявших территорию сегодняшней России, появляются около середины I-го тысячелетия до н. э. в рассказе знаменитого Геродота. Позднее упоминания о венедах (так называли праславян римские историки) появились у Плиния Старшего и Тацита во второй половине I в. н.э. и Птолемея (II в. н.э.). Доминантными этносами на нашей территории в тот период являлись индоевропейцы и угро-финны, западным соседом которых была балтославянская общность.

“Великое переселение народов”, несколькими мощными волнами прокатившееся по территории Причерноморья, существенно повлияло на расселение славянских племен. Имеются в виду нашествие гуннов, которое обычно датируется IV—VII вв. н.э., нашествие авар (обров) — VI—VII вв., болгар — VI—VIII вв., печенегов — IX—X вв., половцев — XI—XII вв. Они вызвали следующие синхронные перемещения славянских племен до Эльбы на западе и по Восточно-Европейской равнине на востоке.

Как первоначально жившие в лесах, славяне продвигались и расселялись преимущественно вдоль больших рек, служивших в ту пору единственными транспортными артериями для лесных и лесостепных областей. Славяне довольно легко и, как правило, мирно ассимилировали местное (иранское, балтское, финское) население. Это следует из византийских источников VI в., где информация о славянах с этого времени нарастает, как снежный ком.

Несмотря на многочисленность источников, все ранние известия о славянах VI—VII вв. во многом неясны и не поддаются точной географической и хронологической идентификации. Более точную и достоверную картину дают лишь древнерусские летописи, если их известия дополнять византийскими, арабскими и другими иностранными источниками.

“Повесть временных лет”, древнейшая из известных нам летописей, называет ряд восточно-славянских племен — поляне, северяне, древляне, радимичи, вятичи, кривичи, словене ильменские, дреговичи, волыняне — и ареалы их расселения в VIII—IX вв. Речь идет, по мнению многих ученых, о *союзах племен* догосударственного или предгосударственного порядка, занимавших значительные территории.

Главным занятием восточных славян в эту эпоху было земледелие в сочетании с разведением скота и различного рода промыслами — охотой, рыбной ловлей, бортничеством. Если на юге, в лесостепи, условия для земледелия были весьма благоприятны и славяне здесь унаследовали навыки и многосотлетний опыт иранского населения, то в северных районах земледелие было в основном подсечным и в целом неприбыльным, однако столь же необходимым для повседневной жизни.

Чем дальше на север, тем большее значение приобретали промыслы, тем более, что во внешней торговле, особенно с развитыми странами Востока и Византией, особую роль играл именно экспорт различного пушного зверя, которым в ту пору был богат не только славянский север, но и более южные земли.

В середине первого тысячелетия н. э. с переходом к пашенному земледелию вместо родовой появилась соседская община — *“вервь”* (в северных, лесных районах несколько позже — в VII—IX вв. — *“мир”*). Пахотная земля — основная собственность общины периодически делилась на участки, которые отдавались в пользование отдельным семьям. Луга, леса, вода использовались сообща. Постепенно передель пахотной земли прекращались; земля закреплялась за семьями, возникало неравенство, появлялась знать — князья, дружина (бояре).

В ту пору в качестве дорог в Восточной Европе чаще всего использовались речные пути. Поскольку эти территории являлись промежуточным пространством между различными странами Во-

стока и Западной Европой, такие пути, особенно вдоль больших рек — Волги, Днепра, Западной Двины, Дона — и их притоков, приобретали и международное значение. Речные пути служили и для колонизации. Освоение водных путей ускоряло процессы образования государств, развитие цивилизации. Именно на важнейших пунктах этих путей не позднее VIII—IX вв. возникали торговые фактории, из которых потом развивались первые города.

В VIII—IX вв. основную роль в международной торговле играл *Волжский путь*, соединявший Прибалтику со странами арабского мира. Это подтверждается как письменными источниками, так и многочисленными кладами вдоль этого пути арабских дирхемов — серебряных монет, называвшихся на Руси шелягами (от хазарского “шеляг” — серебряный) или ногатами (от арабского “нагд” — наличные деньги). Волжский путь контролировался Хазарским каганатом — мощным государством кочевников и торговцев, выступавшим в союзе с Византией и враждовавшим с Арабским халифатом на юге, Волжской Булгарией на севере и славянскими племенами на северо-западе.

Но уже с IX в. все большее значение приобретает другой путь, связывавший европейский север с Черным морем по Днепру, известный как “*Путь из варяг в греки*”. Развитие этого пути связано и с усилением Византии, и с активностью викингов (славяне называли их *русами*, а позднее — *варягами*), и с господством хазар на Волжском пути, где они ставили преграды для всяких торговцев, кроме собственных еврейских купцов. Подчинив земли полян, северян, вятичей и радимичей, хазары контролировали весь Волжский путь (волжские болгары также платили им дань), включая и побочные трассы — по Десне, Оке, Дону, а также среднее и нижнее течения Днепра. Ясно, что и славянские, и финские, и балтские племена были заинтересованы в свержении хазарского ига и с этой целью заключали союзы со скандинавскими конунгами, приглашая для защиты от хазар варяжские дружины. Главная роль в борьбе с хазарами выпала на долю полянских правителей из Киева, где княжение появилось еще в VIII в. К началу IX в. киевские князья уже достаточно усилились, чтобы принять титул хакана — в пику хазарским правителям (информация об этом в византийских и каролингских хрониках относится к 839 г.).

Возникновение Киевской Руси (IX—X вв.). С возникновением имущественного неравенства и социального расслоения развивается государственность. Летописец знал, что еще до “призвания варягов”, по-видимому, не позднее начала IX в., свои княжения, помимо полян, существовали у древлян, кривичей, словен ильменских и дреговичей. Все эти местные княжения были слабы и не могли противостоять по отдельности ни хазарам, ни варягам. Это создавало объективные условия для объединения славянских племенных союзов в единое древнерусское государство.

С образованием единого государства под властью Киева оказался торговый путь по Днепру с его ответвлениями на Двину и на Десну. Это позволило первому (по летописи) варяжскому князю на киевском престоле Олегу организовать в 907 г. успешный военный поход на Царьград (Константинополь) и повторить его в 911—912 гг. Главными результатами походов на Царьград были, помимо военной добычи, торговые договоры с Византией. Договор 907 г. известен нам лишь в изложении летописи, а подтвердивший и расширивший его договор 912 г. дошел до нас текстуально. В соответствии с ним *русы* получили огромную дань и, кроме того, оговорили очень выгодные условия торговли. О размерах сложившегося государства можно судить по масштабности этих походов. Поход 911—912 гг., например, был грандиозным мероприятием даже по сегодняшним меркам. В нем, по летописи, участвовали 2 тыс. судов, т.е. около 80 тыс. воинов (если предположить, что тогдашний корабль вмещал до 40 воинов, да к тому же часть воинов могла двигаться вдоль берега).

Созданная Олегом держава представляла собой своеобразную *федерацию полунезависимых княжеств*, подчинявшихся великому князю киевскому. Великий князь должен был действовать от их имени во внешнеполитических и внешнеэкономических актах. Так, договора с Византией подписывались от имени людей, находившихся “под рукою великого князя” т.е. местных князей, а также бояр — высшей знати государства. С местными князьями, очевидно, заключался своеобразный договор об условиях союза, которые сводились, во-первых, к праву великого князя на полюдь в землях союзных князей; во-вторых, последние обязаны были поставлять военные ополчения в случаях

больших внешнеполитических акций, типа походов на греков. В остальном местные князья, по-видимому, еще долго сохраняли независимость.

Вообще роль государства в этот период, помимо военно-политической (защита от греков, хазар, варягов), заключалась в организации военно-торговых походов, связанных со сбором дани (*полюдь* и *повоза*) и сбытом ее в восточных и южных торговых центрах. Замечательно зримую картину полюдьи середины X в. оставил нам Константин Багрянородный (начало X в.). “Зимний же суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступает ноябрь месяц, тотчас их архонты (князья) выходят со всеми росами из Киева и отправляются в полюдь, что означает “кружение”, а именно в земли древлян, дреговичей, кривичей, северян и прочих славян, которые являются пактиотами (участниками пакта, договора) росов. Кормясь там в течение всей зимы, они затем, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киев.” Суда с данью сплавляются к Киеву из разных мест — Новгорода, Смоленска, Чернигова и др. “Потом, взяв свои моносилы (суда-однодревки), они оснащают их и отправляются в Романию (Византию)”.

Однако не все товары уходили в Византию. Они отправлялись так же по Волге в Булгар (около сегодняшней Казани) и хазарскую столицу Атиль (в устье реки), где существовала большая славянская колония. Часть товаров отправлялась на запад — через Чехию в германские земли, о чем говорит Рафельштедский устав 907 г. Таким образом, организация военно-торговых экспедиций для сбора полюдьи и сбыта собранных продуктов составляла едва ли не главнейшую задачу княжеского двора. Несомненно, подобные операции тщательно планировались и не только из военно-тактических, но и из экономико-финансовых соображений. К сожалению, история не оставила нам имен “скромных тружеников казенного хозяйства”, в отличие от военных руководителей, таких, как главный воевода Свенельд и другие.

Вместе с тем полюдь с его нерегламентированностью, отвлечением значительных военных сил, непредсказуемостью получаемых результатов выступало архаичной формой сбора дани. К тому же, как показала история с Игорем, погибшим в 945 г. при сборе полюдьи, эта процедура вызывала социальный протест

в подчиненных Киеву княжествах. Учитывая все это, наследовавшая ему Ольга провела административно-налоговую реформу — первую из известных в истории российского хозяйства: повсеместно распространенная прежде система полюдьа была заменена систематической уплатой заранее оговоренной дани, которая собиралась в административных центрах (*погостах*) специальными чиновниками центрального княжества — *тиунами*. Устанавливалась и величина дани (*урок*) — в соответствии с количеством дворов (с “дыма”).

Раннее киевское государство с социально-экономической точки зрения являлось совокупностью территориальных общин с элементами родовых отношений. Славяне в ту пору жили уже не родовым строем; объединяющим началом была сельская община или община зарождающегося города (согласно новейшим исследованиям, города как экономического, “менового” центра на Руси до конца X в., вероятно, еще не было, тогдашние города представляли собой либо поселения, где проживали князья с дружиной, либо торговые фактории, ставшие центрами сбора дани).

Как бы там ни было, в период образования государства основную массу населения составляли еще свободные крестьяне-общинники (*смерды*), хозяйствующие на общинных землях. Они платили князьям дань натурой за внешнюю защиту и несли повинности — строительство дорог, содержание дружины, участие в ополчениях. Но уже у князя, а позднее и у его дружинников, бояр, местной знати (земских бояр) стали появляться участки собственной земли — *вотчины*, которые собственники могли продать, подарить, оставить в наследство.

К концу X в. в силу разложения родо-племенных отношений и развития отношений раннефеодальных, в силу все ускоряющихся процессов имущественной и социальной дифференциации появились как значительный слой *холопы* — рабы из числа разорившихся соплеменников и их детей; раньше в составе боярской челяди были рабы, главным образом из числа военнопленных.

Наконец, появилась администрация — *огнищане* (словом “огнище” в древней Руси обозначались домашнее хозяйство, челядь; “огнищане” — управляющие челядью, хозяйством), *тиуны* (упоминавшиеся выше княжеские чиновники, организующие сбор дани “на князя”), сельские старосты.

Значительную роль для усиления государства сыграло насаждение на Руси единой христианской религии. Христианство закрепляло и ускоряло развитие феодализма. Оно обеспечивало к тому же поддержку и помощь одного из самых мощных в то время государств и ближайшего торгового партнера Киева — Византии. Однако христианизация Руси растянулась на несколько веков.

Первые известные попытки принятия христианства в Киевском княжестве относятся к 867 г., еще до объединения северных (во главе с Новгородом) и южных (во главе с Киевом) славянских княжеств. Вторая попытка христианизации была предпринята княгиней Ольгой. Захватив власть (при взрослом сыне) на волне недовольства неудачными внешнеполитическими мероприятиями покойного мужа Игоря (массовой гибелью людей в восточном и византийском походе), она проводила политику на прекращение войн, успокоение общества, развитие торговли и дружеских отношений с Византией. Но и при Ольге христианизация не пошла дальше княжеского окружения. Возможно, как раз нарастание напряженности между христианами и язычниками заставило Святослава в 964 г. (ему тогда было уже 44 года) отстранить мать от власти.

Устремления Святослава, этого князя-воителя, были направлены на восток, где еще господствовали хазары, взимая дань со славян-вятичей, и на юг — против Византии и ее вассалов. О христианизации в этих условиях не могло быть и речи. В течение 965—966 гг. Святослав не только освободил вятичей от хазарской дани, но и разгромил войско кагана, разорил хазарские города. К ужасу славян, на смену разгромленным хазарам пришла еще более воинственная сила — печенеги. И все последующие годы правления Святослав вынужден был сражаться против дунайских булгар и печенегов, от которых и погиб.

Балканские походы Святослава не принесли Руси ни успеха, ни пользы. Многие лучшие воины сложили там свои головы. И опять, как после смерти Игоря, наследник Святослава его сын Ярополк должен был круто поменять политику на более мирную и созидательную. Ярополк, как и его бабка, видимо, принял христианство, но, в отличие от нее, ориентировался не на Византию, отношения с которой после Святослава были натянутыми, а на Германию и Рим.

Но и на этот раз массовой христианизации страны не произошло. Княживший в Новгороде поборник язычества Владимир, младший сын Святослава, воспользовавшись недовольством не желавших креститься определенных кругов киевской знати, с большим варяжским отрядом начал войну против Ярополка и убил его. Очередная попытка христианизации оказалась безуспешной.

Как видим, на Руси шла борьба между старыми языческими кланами, искавшими помощи на севере у варягов, и той частью знати, что давно поняла необходимость реформ для быстрого социально-экономического развития. Будучи умным политиком, Владимир наверняка понимал это. Но, победив брата, он поначалу должен был следовать тем, кто помог ему утвердиться на киевском престоле. Отказавшись от внешних военно-торговых походов, все усилия Владимир направлял на расширение и укрепление державы. Он отвоевал ряд городов у Польши — Перемышль, Червень и др., воевал на своих границах с причерноморскими булгарами, усмирал восстания вятичей и радимичей. Владимир понимал, что объединение восточнославянских племен вокруг Киева не было устойчивым: необходимы были действенные меры для сплочения державы. Эту роль должна была сыграть единая монотеистическая религия.

Сложность была в том, что со времен Святослава отношения Киева с Константинополем были если не враждебными, то натянутыми. Чтобы ослабить эту напряженность Владимир помог по просьбе императора Василия II подавить восстание мятежников в Малой Азии, послав в Византию 6-тысячный варяжский отряд (кстати, с этого момента в Византии служила “варяжская дружина”).

Крещение Руси произошло, по летописи, в 988 году. Но мы знаем, что этот процесс не мог повсеместно пройти без борьбы, и христианизация даже в центральных районах государства растянулась на два-три года. Принятие христианства в других частях Руси наверняка проходило с еще большими сложностями. Очевидно, в городах христианизация шла успешнее, чем в сельской местности, на юге — легче, чем на северо-востоке. Выступления против новой веры имели место в разных частях страны на протяжении всего XI в. Летопись неоднократно сообщает о появле-

нии волхвов, вызывавших народные волнения, то в Белозерской земле, то в Ростово-Суздальской. Население, особенно периферийных княжеств, упорно держалось за старых богов не только в XI в., но и гораздо позже — вплоть до XIII—XIV вв.

Киевская Русь в XI—XII вв. Для Руси этого периода характерно то, что междоусобицы князей в борьбе за верховную власть перемежались относительно длительными периодами политической стабильности, когда политическое единство страны возрождало внутреннюю целостность русских земель и обеспечивало их внешнюю безопасность. И это вполне понятно: баланс двух противоборствующих движущих сил — стремления к независимости отдельных княжеств и необходимости их объединения для защиты от внешних врагов — постоянно колебался в зависимости от внешнеполитической ситуации и появления на исторической сцене сильных личностей. Такими фигурами были Владимир Святой, Ярослав Мудрый, Всеволод Ярославич, Владимир Мономах. Во время их княжения прекращались нападения внешних врагов, осваивались новые сельскохозяйственные территории, строились города, расширялась торговля, укреплялись международные связи. В периоды же междоусобий хозяйство не росло, прекращалась торговля, народные волнения становились массовыми. Тем не менее по мере развития хозяйства все больше осознавалась необходимость общего развития объединенного государства.

И все же принятие христианства Древней Русью явилось значительным шагом в развитии восточнославянской цивилизации. Несомненна роль принятия христианства в возникновении и укреплении земельной собственности. Если в IX—X вв. возникали личные земельные владения самого великого князя, возможно, местных князей, то с XI в. можно говорить о появлении боярской земельной собственности как массового явления, о землях монастырей и церкви в целом. Это, конечно, произошло не сразу, первоначально церковь существовала за счет отчисления десятины от княжеских доходов, как определил князь Владимир. Но постепенное возникновение церковных земель стимулировало появление и боярской собственности на землю. Да и распространение на Руси византийских сборников права неминуемо должно было ускорить эти процессы.

Как и рассчитывал Владимир, значительно укрепилась с принятием христианства и центральная власть великого князя. Ему удалось при жизни окончательно ликвидировать местные княжения. Тем не менее основы сепаратистских настроений, опиравшиеся на местную знать, остались. Окончательно исчезнуть они могли только с развитием обмена, с осознанием необходимости создания в рамках государства единого рынка.

Со смертью Владимира (1016 г.) ушла в прошлое эпоха образования киевского государства. К этому времени Русь превратилась в одну из сильнейших держав Восточной Европы. Четко определились ее границы. На севере земли Новгорода вплотную подходили к владениям карелов по берегам Финского залива и озера Нево (Ладожское); на северо-западе новгородские и полоцкие земли граничили с владениями балтских племен по среднему течению Немана и Западной Двины; на западе русско-польская граница стабилизировалась по среднему течению Западного Буга, Южного Буга, Днестра и Прута. На юге владения Руси упирались в оборонительную систему городов и крепостей, основанных Владимиром для борьбы против печенегов: эта часть границы была изменчива. На юго-востоке и востоке русские владения доходили до верховьев Сейма, Сулы и Дона, а далее упирались в рязанские леса. На северо-востоке владения Руси выходили в междуречье Оки, Клязьмы и Волги и подходили вплотную к границам Волжской Булгарии. Периметр владений Киевского государства составлял около 7 тыс. км. К середине XI в. там проживало около 4 млн. ч.

Проходившая в рамках крепнущей государственности историческая эволюция характеризуется в этот период разложением родо-племенных отношений и появлением первых признаков феодализма, причем к началу XI в. этот процесс на Руси стал уже необратимым. В это время общинные земли постепенно становятся принадлежностью коллективного собственника — государства, которое начинает их отчуждать по своему усмотрению вместе с крестьянами. Процесс разложения общины и появления частной собственности ведет к дальнейшему социальному расслоению, появлению, с одной стороны, лиц, имеющих возможность добровольно или принудительно привлекать чужой труд, и, с другой стороны, людей, лишенных средств производства и попадающих в зависимость от земельных собственников.

Еще в X в. началось формирование княжеских земельных владений, становились владельцами земель и княжеские дружинники. Но к началу XI в. отдельные земельные приобретения великих и местных князей, бояр и дружинников представлялись каплей в море свободного общинного землевладения; свободный смерд, живущий на государственной земле, обрабатывающий ее своими орудиями и платящий дань лишь государству, был главной фигурой сельского мира Руси. Хотя территории, где жил этот смерд, были уже “окняженными”, т.е. принадлежащими великому князю как главе государства.

В XI в. во главе Руси, как и прежде, стояли великие киевские князья, которые были уже не первыми среди равных, а полновластными правителями страны. Прежних местных племенных князей именовали *боярами*. Они составляли верхушку дружинного слоя — “старейшую” дружину. Низшим, но более многочисленным слоем была “младшая” дружина, где состояли люди менее знатные, более молодые. Но и те, и другие были слугами великого князя. Старшая и младшая дружины, прежде выполнявшие чисто военные функции, в течение XI в. все более превращаются в аппарат управления, механизм государственной власти.

Великий князь руководил всей системой управления страной и судопроизводством. Его власть была разнообразной и комплексной. И чем больше распадалась, исчезали остатки старого родо-племенного строя, тем более возрастала роль великого князя и его управленческого аппарата в центре и на местах. Княжеская власть осуществляла оборону страны от иноземных вторжений, поддерживала порядок внутри страны, карала за уголовные преступления, защищала права собственности, конечно, в интересах верхушки общества — бояр, младших дружинников, богатых торговцев, высшего духовенства.

Наряду с усилением великокняжеской власти сохранялось еще немало остатков старого строя. Так, в городах при решении важнейших вопросов традиционно собиралось *вече*, куда приходили все свободные жители. И хотя на них заправляли в основном наиболее влиятельные, богатые горожане, они сохранили свои народные черты. Так же и в сельской местности — судебные разбирательства производились непременно на *сходах* в присутствии представителей местных крестьянских общин. Но уже

обладание политической властью в условиях развития государственности основывалось не столько на личной преданности князю и участии в его походах, сколько на владении землей с работающим на ней населением. Обладание такими землями обеспечивало получение больших по тому времени доходов, увеличение личного богатства. Первыми здесь были, конечно, великие князья, представители княжеской семьи. Создается, как и в других странах Европы, княжеский домен — комплекс населенных земель, принадлежавших непосредственно главе государства, главе династии.

Такие же владения появляются у членов княжеской семьи — его жены, братьев, сыновей. К этому же времени относится образование собственных земельных владений бояр и дружинников. К середине XI в. таких земель было еще не много, но их возникновение знаменовало появление новых порядков, основанных на зарождении земельной собственности, и одновременно появление массы зависимых людей, живущих и работающих на земле, принадлежавшей уже не им, а господину. Появляются первые вотчины бояр, воевод, посадников, старших дружинников. А к концу XII в. своими земельными владениями обзаводятся и многие младшие дружинники. Тогда же появляются церковные земельные владения. Таким образом, зарождается система феодальной иерархии (“феод” и означает наследственное земельное владение, которое сеньор жаловал своему вассалу за разного рода службу — участие в войнах, управлении, судопроизводстве от имени князя и т.п.). Хотя, повторимся, большинство крестьян еще было свободно, а большинство земель принадлежало общинам.

Постепенно появлялся слой людей, которые по разным причинам (засуха, неурожай, военное разорение) теряли собственное хозяйство и обязывались выполнять работы на своего господина — обрабатывать землю, собирать урожай, ухаживать за скотом. Такие люди назывались “*рядовичами*”, так как заключали с хозяином договор — “ряд”, или “*закупамы*”, если брали у хозяина долг — “купу” и обрабатывали ее на хозяйской земле. Они не могли освободиться от хозяина раньше, чем выполнят условия договора. Помимо них на господской земле трудились пленники, обрабатывавшие свой выкуп, “*наймиты*”, изначально нанимавшиеся за плату, и *холопы*, самые бесправные люди. Ими становились пленники из других племен, а позднее и соплеменники —

рядовичи и закупы, не выполнившие договора. Наконец, на церковных землях, помимо этих категорий, трудились *“прощенники”* — те, кому были прощены их долги или преступления, либо те, кого церковь выкупала у государства, заплатив необходимые штрафы (например, воры).

Поскольку производимых товаров в то время не было достаточно для повсеместного обмена, торговое и денежное обращение в сельской местности (да в значительной мере и в городах) еще не было развито, хозяйство, будь то боярское или крестьянское, было еще натуральным, т.е. производило все необходимое для собственного потребления. Всю *“натуру”* — зерно, мед, воск, кожи, пушнину, другие продукты — жители должны были предоставлять в виде платежей землевладельцу, своему господину. Они также были обязаны исполнять *“подводную”* повинность — предоставлять по требованию господина транспортные средства, ремонтировать мосты, дороги, защитные сооружения и т.п. Все повинности, выполнявшиеся раньше на государство, на великого князя, теперь выполнялись на нового господина, землевладельца — боярина, дружинника, церковь.

Новые явления в хозяйственной жизни и в отношениях между людьми нашли отражение и в законодательных документах.

Первые законы на Руси. Объединение Руси Ярославом Мудрым стало во многих отношениях поворотным пунктом истории ее развития. В это время зарождается русское летописание — создается древнейший летописный русский свод. В это же время принят первый на Руси свод законов — *“Русская правда”* (наиболее вероятная дата — 1036 г.). Строго говоря, *“Русская правда”* не являлась абсолютно первым российским сводом законов. До нее, видимо, существовал *“Закон русский”*, который упоминается в договорах X века Руси с Византией. Нормы этого закона отражали еще родо-племенные отношения. Но он до нас не дошел.

Таким образом, ярославова *“Правда”* выступает для нас первым писанным законом русского государства. Он касался прежде всего вопросов общественного порядка, защищал людей от насилий, бесчинств, драк, которых было так много на Руси, особенно в смутные годы междоусобий. Вместе с тем нормы *“Правды”* отображают уровень развития общественных отношений, сло-

жившихся в государстве на тот момент. Их действие не ограничивалось каким-то одним регионом и распространялось на всю территорию Руси как единого государства, каким она и стала в правление Ярослава Владимировича.

“Русская правда” зафиксировала деление общества на три основных категории — “княжих мужей”, юридически свободных крестьян — “смердов” и юридически зависимых “холопов”. Все статьи “Русской правды” подчеркивают зарождавшийся феодальный характер отношений в русском обществе. В центре этих отношений стояли феодал и смерд, фактический пользователь земли, а не раб и рабовладелец. Но стремительное движение общественных отношений к развитому феодализму вскоре потребовало нового закона, который бы в полной мере защищал быстро складывающуюся собственность на землю и связанные с этим материальные приобретения и разного рода общественные преимущества. И такой новый свод законов начал, по-видимому, создаваться еще при жизни Ярослава, а провозглашен был лишь 36 лет спустя при его детях.

Новая “*Правда Ярославичей*” направлена на защиту княжеской домениальной собственности: наибольшие наказания и штрафы положены за действия против княжеских слуг — огнищанина, тиуна, княжеского сельского старосты. В то же время новая “Правда” карает за нарушение имущественных прав и личной безопасности всех жителей страны в целом.

Статьи нового закона носят обобщающий характер, имея в виду вовсе не экстремальную ситуацию, скажем, восстание горожан против князя и его людей, а повседневную, обыденную жизнь. Суровые наказания устанавливались за разбой, поджог, убийства, увечья, кражи, нарушение межевых знаков. Вора можно было безнаказанно убить на месте преступления, хотя только в ночное время. Но все это увязывалось, повторим, не с какими-то уникальными общественными явлениями, а с постоянным рутинным функционированием господского хозяйства.

Государство стремилось поддерживать порядок, защищать собственность, прежде всего состоятельных людей. За убийство княжеского огнищанина или тиуна полагался штраф в 80 гривен, за убийство княжеского сельского старосты — 12 гривен, а за убийство простого смерда или холопа — всего 5 гривен.

В “Правде Ярославичей” вводился новый порядок судопроизводства, появился институт свидетелей и свидетельских показаний. Тем самым новый государственный закон отразил не только развитие новых социально-экономических отношений в стране, но и возросший уровень самой русской государственности.

Наконец, спустя еще 40 лет, в 1113 г. вслед за восстанием киевского посада после совещания с боярами Владимир Мономах дал Руси новую “Русскую правду”, названную “*Устав Владимира Всеволодовича*”. Будучи реакцией на восстание, он включал новые статьи об облегчении участи смердов, закупов, рядовичей, холопов. Он, кроме того, устанавливал рамки ростовщичества, чрезмерно закабальвавшего простой люд, ограничив долговые проценты 20% годовых. Таким образом, “Устав Владимира Всеволодовича” был направлен не только на то, чтобы уберечь бояр, дружинников, духовенство, богатое купечество от народного гнева, но и поддержать хозяйства смерда и ремесленника, которые составляли основу государственного благосостояния.

Сельское хозяйство. Основу сельского хозяйства составляло земледелие. На территории, занятой славянами, искони использовалась *подсечная* система в лесных и лесостепных районах и *переложная* — в степных. С середины тысячелетия появилась *паровая* система: сначала — *двухполье* (засев — отдых), которое к XII в. стало доминирующим. И только позднее — с XIII века стало использоваться *трехполье* (яровые, озимые, пар), просуществовавшее до XX века.

Пахотное орудие того времени — рало (орало) — деревянная соха, позднее — с металлическими рабочими наконечниками. Совершенствование техники и технологии землепользования способствовало росту производительности труда.

Хуже обстояло дело со скотоводством: в этой сфере практически не было роста производительности труда. С другой стороны, оно способствовало расслоению общества, так как сосредотачивалось в руках феодалов и усиливало зависимость от них крестьянства.

Развивались и вспомогательные направления хозяйства — охота, бортничество, рыболовство, не имевшие, впрочем, решающего значения.

В отношениях крестьян с землевладельцами превалировала **отработочная рента** в форме **барщины** или **издольщины** — натурального оброка.

Что представляло собой феодальное хозяйство боярина, постоянно проживавшего подле князя в стольном городе и лишь изредка наезжавшего в свои сельские владения? Хозяйственный комплекс вотчины составляли пахотные земли, луга, рыбные ловли, бортные леса, охотничьи угодья. Сюда же входили деревни, населенные крестьянами, их хозяйства.

В центре владений находился господский двор с жилыми и хозяйственными постройками. Здесь были хоромы боярина; иногда это был не один дом, а целый комплекс отдельных зданий (терем, гридница, другие помещения), соединенных переходами. Двор был окружен, как на селе, так и в городе, каменной или мощной деревянной оградой с могучими воротами. На дворе же находились жилища господского управляющего — огнищанина, тиуна, ведавшего поступлением натуральных запасов, сельских и ратайных старост и других людей из состава управления вотчиной. Неподалеку располагались кладовые, амбары, погреба, медуши, дровяные склады. В хозяйственный комплекс вотчины также входили поварня, скотный двор, конюшня, кузница, гумно и др.

С конца XI в. подобные феодальные центры нередко строились как замки, особенно в приграничных районах, часто подвергавшихся набегам южных кочевников или западных воинственных соседей. Типичный замок строился на возвышенности, горе, холме как крепость, способная защитить и прокормить при длительной осаде служилых людей и крестьян близлежащих селений.

Ремесла и торговля; развитие городов. В VI—IX вв. ремесло стало отделяться от сельского хозяйства, становясь основой роста городов. Города развивались сначала как административные центры, где жил и творил “суд и расправу” князь; сюда свозили дань и военные контрибуции; здесь собирались судебные и торговые пошлины. В дальнейшем города стали развиваться как ремесленные и торговые центры. В IX—X вв. в Киевской Руси известны 24 города, в XI в. к ним прибавилось еще столько же, а в XII веке их стало уже более 60. Наиболее значительные города — Киев, Чернигов, Смоленск, Полоцк, Новгород, Ладога, Любеч, Переяславль сложились как крупные центры восточно-славян-

ских княжений еще в IX—X вв. По мере создания централизованного государства на первый план в развитии городов выступали ремесленные производства и торговля. В результате одни города расширялись и усиливались, а другие, не будучи расположенными на торговых путях и не имея основы для развития собственного ремесла, постепенно умирали (типичным примером может служить Искоростень, центр древлянских земель, некогда соперничавший с Киевом).

Значительную часть жителей городов составляли торговцы — от богатых купцов, “гостей”, ведущих оптовую торговлю с другими странами, до мелких торговцев-разносчиков. Тогда же в городах начали зарождаться купеческие объединения, имевшие свои уставы и общие денежные фонды, из которых оказывалась помощь купцам, попавшим в беду.

Развитие ремесел вело к расширению торговли в городах, между городом и деревней (хотя в основном хозяйства развивались как натуральные), внешней торговли. Каждый город был в первую очередь центром торговли всей близлежащей округи. Товары производились городскими ремесленниками и смердами из сельской местности в период отсутствия полевых работ, привозились из других краев.

В крупных городах — Киеве, Чернигове, Новгороде и др. находились дворы и целые районы иноземных купцов из Хазарии, Польши, Скандинавии, Персии, Византии, составлявших свои общины. Наибольшую роль играли армянские, еврейские и греческие купцы и ростовщики, обладавшие помимо стабильных связей по всему миру значительным купеческим и ростовщическим капиталом. В свою очередь и русские купцы основывали русские подворья в других странах.

Основные продукты внешней торговли в XII веке, вывозившиеся из Руси, товары не произведенные, а добытые у природы — соль, воск, мед, кожи, скоро (меха), смола, лен, рыба. Ремесленные товары — кольчуги, изделия из дерева и кости — составляли малую долю. Ввозили ценные ткани, золото-серебро, оружие, вина, пряности. Торговля шла в основном вдоль рек — по Днепру, Волге, Волхову и их притокам; летом — водой, зимой — по льду тех же рек на санях.

Следует иметь в виду, что в то время торговля была связана с множеством опасностей; любой торговый караван выступал с многочисленной охраной. Нередко торговые операции граничили с военными действиями и каждый купец был в такой же степени воин и по вооружению, и по складу характера. Тем не менее по мере роста ремесленного производства расширялся и процесс обмена, создавая необходимые специализированные механизмы.

Возникновение денежных отношений. Деньги на Руси возникли в период разложения первобытно-общинного строя, завершив процесс длительного развития форм стоимости товаров. На определенном этапе экономического развития функции денег выполнял скот. Но ко времени образования киевского славянского государства скот, очевидно, давно перестал использоваться в качестве денег, так как славяне задолго до этого стали земледельческим народом, но использование, в том числе и в документах, слова “скот” для обозначения денег оставалось еще долгое время. В эпоху раннего феодализма термин “*скотник*” обозначал сборщика податей, а “*скотницей*” называли княжескую казну.

На следующем этапе хозяйственного развития древней Руси роль денег выполняли меха, вначале одновременно со скотом, а затем вытеснив его в силу многих своих преимуществ — большей сохранности, транспортабельности, делимости. У восточных славян в этой роли выступал главным образом мех куницы (“*куна*”). Это слово используется для обозначения денег и в летописях, и в первых документах Киевской Руси.

В период формирования феодальных отношений на Руси уже было распространено металлическое денежное обращение; меха как денежные единицы, а тем более скот к этому времени практически были изжиты и заменены золотыми, серебряными и медными слитками, а позднее — монетами, к которым перешли названия мехов — “куны”, “векши”, “бели”. В кладах того времени вдоль Волги, Днепра и их притоков находят множество различных слитков и монет.

Развитие торговли требовало создания стабильного денежного хозяйства. С конца X века при Владимире Великом на Руси начали чеканить свои деньги по образцу византийских монет —

златники (они и по весу соответствовали византийскому солиду — 4,2 г) и **сребреники**, перечеканивая чужую монету. Однако его преемники отказались от этого (известны лишь сребреники Владимира Мономаха), и на Руси наряду с русскими продолжали ходить различные иностранные монеты — арабские дирхемы, византийские золотые номисмы, немецкие талеры.

В крупных договорах, соответствующих оптовым поставкам товаров или получению дани, пользовались **гривнами** — весовыми денежными единицами, соответствовавшими слитку серебра, сначала весом 96 золотников (409,5 г), а с XII в. — 48 золотников (204,75 г) — **новгородская гривна**, и 36 золотников (162 г) — **киевская гривна**. Но для розничной торговли эта единица была слишком велика; в ежедневной жизни пользовались более мелкими деньгами. Следует иметь в виду, что денежное обращение существовало только в городах с их развитыми ремеслами, торговлей, ростовщическим кредитом и пр., а на периферии еще долго использовалась меновая торговля, либо пользовались стародавними суррогатами денег — кунами, резанами, жеребьями.

Начала складываться финансовая система, базировавшаяся на различных налогах в пользу князя. В документах XI—XII вв. упоминаются **даньщики**, ведавшие сбором дани на князя, **мытники** — сборщики проезжей пошлыны, и **осменки**, взимавшие торговую пошлыну и выполнявшие роль налоговой полиции. В период удельного междоусобья эта стройная система была разрушена, хотя оставались и множились местные поборы.

С расширением торговли развивалось **ростовщичество**, главным образом в торгово-ремесленных городах. Этим занимались князья, бояре, монастыри, богатые торговцы. Уже в XI в., как следует из “Русской правды”, процент зависел от величины кредита и сроков погашения — 20% по долгосрочному кредиту и 40% по краткосрочному, но не мог превышать 50%. Ростовщическая ставка более 60% влекла за собой наказание кредитора.

Конечно, ростовщики вздували процентные ставки, что и послужило одной из причин восстания и еврейского погрома в Киеве в 1113 г. Изданный после подавления восстания Владимиром Мономахом “Устав”, называвшийся впоследствии “Уставом о **резах**” (так называли в то время ростовщический процент),

---

ограничил произвол ростовщиков, изменив расчеты за взятый долг. В соответствии с “Уставом”, если человек, взявший в долг, заплатит в виде процентов не более его суммы, то он обязан был вернуть и сам долг, но если проценты в полтора раза превышали сумму долга, то он автоматически погашался. Отныне нельзя было брать более 20% годовых с предоставленной суммы. Эти статьи освободили от долгов многих должников.

Глава 2

Период феодальной раздробленности; татаро-монгольское иго

(начало XII — первая половина XV вв.)

В результате крестовых походов торгово-транспортные пути между западноевропейскими странами и Востоком к XII в. переместились на Средиземное море; транзитный торговый путь “из варяг в греки”, а вместе с ним и Киев потеряли свое значение для международной торговли.

С усилением мощи феодалов при преимущественно натуральном хозяйстве и, соответственно, неразвитой торговле не нужна сильная центральная власть. Этим объясняется политическая раздробленность Руси в XII—XIV вв. Независимо стали существовать Киевское, Смоленское, Черниговское, Галицко-Волынское, Переяславское, Ростово-Суздальское, Новгородское, Псковское, Турово-Пинское, Муромское, Рязанское княжества, которые делились, в свою очередь, на мелкие уделы. В стране не было единого государства, единого хозяйства и рынка.

Почти столетие до ордынского нашествия жила Русь в условиях раздробленности княжеств. Захирело Киевское княжество, бывшее до того политическим, хозяйственным и религиозным центром большого государства. Бесконечные княжеские усобицы, постоянные половецкие набеги заставляли жителей уходить в более спокойные места: на запад — к Галичине, Волыни, в